

Вл. С. СОЛОВЬЕВ

Магомет, его жизнь и религиозное учение

<Фрагмент>

ГЛАВА II

Ранние годы Мухаммеда, его религиозное призвание

Отец Мухаммеда умер за два месяца до его рождения, а мать — когда ему было шесть лет. Воспитывал его сначала дед Абд-эль-Мутталиб, а потом дядя Абу-Талиб, которого он еще в отрочестве сопровождал в Сирию (по торговым делам), и там в Босре, по преданию, один несторианский монах, по имени Бахира, предсказал ему великую судьбу. В 584 г., во время войны между корейшитами и Бену-Хавазин, он сопровождал своих дядей в сражении при Нахле и поднимал для них падавшие стрелы. Родители Мухаммеда, хотя принадлежали к господствовавшему роду, были бедны и не оставили ему никакого состояния. До 24-летнего возраста он был в услужении у своих дядьев, пас их стада или же исполнял должность погонщика верблюдов. Несмотря на такое незначительное положение, он стал известен своими способностями и честностью и получил прозвание элвамин, что значит верный. В 594 г. богатая вдова (от двух мужей) Хадиджа, дальняя родственница Мухаммеда (дочь Ховеида, внука Абд-Менафова), обратила на него внимание и сделала своим приказчиком. Он с успехом водил ее караван в Сирию, и в следующем году она вышла за него замуж. Ей было сорок лет, ему — двадцать пять. Брак их был вполне счастлив, хотя не дал Мухаммеду мужского потомства; три сына, рожденные ему Хадиджей, умерли в детстве, дочери же — Зейнаб, Рокайя, Омм-Кольсум и Фатима остались в живых и впоследствии сделались мусульманками. Когда родилась последняя дочь, Хадидже был уже 51 год; она после того прожила еще 13 лет, и Мухаммед все время был ей верен; нет также вероятия, чтобы до брака с нею он знал женщин. Таким образом неумеренность в чувственной любви, которую обыкновенно ставят в вину Мухаммеду, относится

исключительно к его старости и должна быть приписана скорее прежнему воздержанию, нежели порочным нравам. Оправдание старческих слабостей Мухаммеда и вместе с тем объяснение его тридцатилетней добродетельной жизни можно найти в его собственном, очевидно искреннем, заявлении: «Более всего на земле я любил женщин и ароматы, но полное наслаждение находил всегда только в молитве».

Сила духа, обнаруживаемая человеком, находится в прямом отношении с силой тех низших душевных страстей, которые он поборает в себе. Великая сила, обнаруженная Мухаммедом в его историческом деле, питалась его сдерживаемой страстностью. Если бы он сдерживал ее всегда и во всем, он был бы совершенным человеком, каким он не был и быть не мог. Он не имел и притязания на такое совершенство, а потому вполне несправедливо осуждать его за человеческие слабости, которые он не скрывал. Точно так же несправедливо ставить вопрос, в какой мере он был истинным и в какой ложным пророком, несправедливо уже потому, что он вовсе не выдавал себя за пророка в общепринятом теперь смысле этого слова. Название ресулаллах, которое обыкновенно дается Мухаммеду им самим и его последователями, значит посланник Божий, т. е. человек, получивший поручение, миссию от Бога. Миссия эта состояла только в том, чтобы проповедовать арабам единство и праведность Божию, различие добра и зла и будущий суд. Как Мухаммед верно и успешно исполнял торговые поручения, которые ему давали сначала дядья, а потом Хадиджа, так же верно и успешно исполнил он и то поручение, которое он, по своему убеждению, получил от Бога. А на какую-нибудь высшую задачу, требующую чудесных даров и полного нравственного совершенства, он не только не заявлял притязаний, но прямо и много раз утверждал, что никакой подобной задачи не имеет. После этого называть его обманщиком или лжепророком есть верх несправедливости.

Но имел ли Мухаммед действительно ту миссию, которую себе присваивал? Если видеть во всемирной истории дело случая, результат внешнего механического сцепления мелких фактов, тогда, конечно, Мухаммед не имел никакой миссии, но единственно только потому, что с этой точки зрения вообще никто никакой миссии иметь не может. Если же признавать в истории внутренний смысл и целесообразность, тогда, без сомнения, такое огромное мировое дело, как создание Ислама и основание мусульманской культуры, должно иметь провиденциальное значение, и миссия Мухаммеда

не может быть отнята у него; а способ, каким он, по собственному своему свидетельству, получил ее (см. ниже), совершенно согласуется с психологическим опытом и историческими аналогиями.

Чтобы получить историческую миссию в каком-ни будь деле, необходимо прежде всего иметь прирожденное дарование или особенную способность именно к этому делу. Хотя религия назначается для всех, но не через всякого религиозные идеи открываются и вводятся в сознание и жизнь человечества. Для деятельной роли в религиозной истории так же необходимо призвание, вдохновение, гений, как и для того, чтобы совершить что-нибудь великое в области науки, искусства, политики. У Мухаммеда несомненно был специальный религиозный гений. Если бы мы никогда не читали Корана и не знали, что Мухаммед связал прочным религиозным единством добрую треть исторического человечества, то его признание, что при сильно развитой чувственности он всегда находил настоящее наслаждение только в молитве, было бы совершенно достаточно, чтобы мы сказали: вот человек гениальный в области религии. Эта религиозная гениальность была производящей причиной Ислама, ибо, благодаря ей, Мухаммед не мог удовлетвориться старой религией своих соплеменников и мог дать им новую. Разумеется, одной этой производящей причины самой по себе недостаточно; конечно, религиозный гений Мухаммеда хотя проявился бы как-нибудь при всяких обстоятельствах, но для того, чтобы он произвел именно это действие (создание Ислама), необходимо было стечение многих независимых от него определяющих условий и факторов в чем именно и состоит провиденциальный характер исторического дела.

Религией, по несомненному общему смыслу, независимо от сомнительной этимологии, мы называем то, что, во-первых, связывает человека с Богом, а во-вторых, в силу этой первой связи, соединяет людей между собой. Мухаммед знал три религии: национальную религию арабов, имевшую свое срединное святилище в его родном городе Мекке; религию Моисееву от евреев Медины, и религию христианскую преимущественно от монахов, с которыми встречался во время своих путешествий в Сирию, а также от эфиоплян, заходивших в Мекку из Йемена. (Упомянутая в Коране религия сабиев или крестильников была лишь гностическо-христианской сектой. Остатки этих сабиев существуют и ныне в Месопотамии, и известны под именем мандейцев.) Национальная религия арабов была в состоянии смешения и разложения. Первобытный натурализм местных культов, приуроченных главным образом к священным камням и деревьям, терял свою живую силу над умами

по мере возвышения племен над диким состоянием и по мере развивавшегося между ними взаимодействия. Знакомством с чужими богами естественно подрывалось исключительное значение своего собственного. Самое понятие Божества хотя начинало сознаваться в своей общности, но лишь смутным и неопределенным образом. Для его обозначения у арабов искони существовало слово Аллах общего семитического корня (иль, эль и т. д.), но с этими словами кроме понятия о божестве вообще соединялось также и представление об особом главном боге владыке Каабы.

Божество представлялось внешними материальными предметами естественными и искусственными идолами, хотя, конечно, не совпадало с ними, а богопочитание состояло единственно из внешних действий, оргий и жертвоприношений; были в употреблении и человеческие жертвоприношения военнопленных и детей. Господствовавший обычай, требовавший, чтобы родители умертвляли детей женского пола (если их было много), закапывая их живыми в землю, по всей вероятности, был также связан религиозным культом (хотя некоторые родители просто не хотели иметь дочерей и закапывали всех до одной). Духи умерших, особенно убитых, требовали человеческих жертвоприношений. Мусульманские историки рассказывают между прочим, что в битве при Бедре Хабиб убил Хариса, потом (в битве при Оходе) попался в плен и был продан детям Хариса, которые сочли своей обязанностью принести его в жертву духу убитого отца.

Такое богопочитание не устанавливало никакой связи между человеком и божеством и не могло удовлетворять религиозное чувство. Так же мало оно могло служить к нравственному и социальному объединению людей. Собрание людей разных племен вокруг Каабы во время хаджа имело, конечно, важное значение, поскольку оно знакомило их друг с другом, расширяло их умственный кругозор и представляло каждому наглядным образом идею национального единства. Но для осуществления на деле этого единства такой внешний способ был, конечно, недостаточен. Как из помещения многих идолов в одном огороженном пространстве не выходило одной религии, так и временное собрание всех арабских племен около этой ограды для наружного поклонения этим пестрым богам и для торговых сделок не создавало из этих племен одного социального целого. Священные месяцы проходили, и жестокие распри с убийствами и грабежами возобновлялись с прежней силой, и долг кровавой мести из рода в род оставался отличительной чертой арабских нравов и единственным общепризнанным законом арабской жизни.